

Опыт стран Евразийского экономического союза

Риски и потенциал социально ориентированной экономической политики

Азгануш МИГРАНЯН

Рост мировой экономики после коронакризиса в 2021 г. отличался довольно высокими темпами.

Экономические показатели стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не стали исключением.

Совокупный ВВП по ЕАЭС вырос на 4,6% преимущественно за счёт восстановления:

- пассажирооборота на 28,4%;
- розничной торговли на 7,1%;
- инвестиций в основной капитал на 6,4%;
- промышленности и строительства на 5,3–5,4%;
- грузооборота на 4,7% [1].

Стоит отметить, что рост экономики повсеместно характеризовался общими трендами – разгоном покупательского спроса, стимулируемого дешёвыми деньгами.

В этой связи актуализируются исследования ситуации двух последних кризисов и сопровождающих их новых трендов, методов и подходов макроэкономической политики евразийского интеграционного проекта.

МИГРАНЯН Азгануш Ашотовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник (Центр постсоветских исследований; Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН). *E-mail:* n.mihrianyan@yandex.ru

Ключевые слова: COVID-19, антироссийские санкции, социально ориентированная экономическая политика.

¹ База данных статистики ЕЭАС // Официальный сайт Евразийской комиссии // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/Indicators2021_12.pdf

Специфика кризиса-2020

Кризис 2020 г. для стран ЕАЭС, впрочем, как и для всей мировой экономики, большинство экономистов сравнивают с наиболее разрушительными экономическими кризисами (великой экономической депрессией 30-х и кризисом 70-х годов, финансовым кризисом и последующей рецессией 2008–2009 гг., а некоторые и с разрушительными последствиями военного времени).

Отличительной особенностью данного кризиса является то, что эффект экономических потерь по уровню экономического спада от роста безработицы, высоких темпов инфляции и потери покупательной способности населения не имеет экономической природы. Ограничение свобод и экономической активности, транспортная блокада и прямая угроза здоровью обусловили не только снижение уровня жизни населения, потерю ликвидности участников рынка, но и переход к прямой компенсации государством потерь общества и бизнеса.

Общемировой тренд усиления макроэкономического регулирования и компенсаторной функции государства стал признанным эффективным подходом экономической политики развитых и развивающихся государств. Переход от либеральной экономической политики саморегулирующегося рынка к признанию необходимости вмешательства государства в рыночную экономику основан на том, что экзогенный характер шоков от пандемии в краткосрочном периоде необходимо компенсировать из государственных ресурсов, менять роль и функции государственных институтов и ма-

крорегуляторов, форм и характера взаимодействия общества и государства. Это обусловлено тем, что ранее ни при одном из предыдущих кризисов перед государством не ставилась дилемма обеспечения безопасности населения (биологическая безопасность, повышение уровня и эффективности медицинской помощи) и сохранения устойчивости национальной экономики, обеспечения её развития (структурные и технологические сдвиги, реформы социально-экономических отношений) одновременно.

Сложность решения данной дилеммы обусловлена тем, что влияние внешних шоков на экономику ускорило проявление накопленных в период с 2008–2009 и 2014–2015 гг. проблем в финансовом секторе (мягкая монетарная политика центральных банков, финансовые пузыри), которые привели к обвалу фондовых рынков, оттоку капитала, дефициту инвестиционных ресурсов и биржевой торговли. Падение котировок на основные сырьевые продукты в купе с закрытыми границами, транспортной блокадой, давлением предложения на рынках нефти привели к обвалу спроса и цен на основные экспортные продукты стран ЕАЭС. Потеря значительной части доходов государств от экспорта энергетического сырья усугубила ситуацию практически во всех странах ЕАЭС, так как лишила правительства возможности маневра в выборе средств по поддержке экономики и преодолению социального кризиса. Сжатие доходной базы, рост безработицы в ведущих экономиках стран ЕАЭС (России, Казахстане) привело к цеп-

ной реакции проявления кризиса во всех странах интеграционного блока: сокращению переводов денежных средств от мигрантов, росту инфляции, низкой эффективности медицинского обслуживания и проблемам роста бедности.

В условиях более жёсткого кризиса для стран ЕАЭС по сравнению с основными развитыми странами решение указанной дилеммы для большинства государств ограничилось выполнением комплекса мер по поддержке здоровья населения, и в меньшей мере применялись меры по поддержке экономики. В начале пандемии – это разработка комплекса мер по обеспечению санитарно-гигиенической безопасности населения, затем доступности медицинской помощи на пике роста заболеваемости, а в восстановительный период в 2021 г. – обеспечение профилактики, вакцинации от заболевания в условиях неопределённости роста заболеваемости и новых волн заболеваемости. Выбор в пользу решения задачи обеспечения безопасности жизни на-

селения был и остаётся безальтернативным, поэтому тренд роста расходов на медицинское обслуживание как основной статьи роста расходов государственного бюджета стал всеобщим для всех стран ЕАЭС. При этом наполнение системы мер по медицинскому обеспечению населения и профилактики от *COVID-19* в странах ЕАЭС непосредственно зависит от состояния государственных финансов.

Лидером, наиболее эффективно реализовавшим весь комплекс мер по обеспечению безопасности жизни населения в формате всех стран Союза, является Россия, обладающая финансово-экономическими ресурсами, высоким уровнем научно-технологического и человеческого капитала. В таких странах, как Киргизия и Армения, в большей степени эту задачу решали за счёт внешней донорской помощи международных организаций, диаспоральной поддержки и других стран, в первую очередь за счёт российских поставок.

Переход к социально ориентированной политике в 2020–2021 годах

В период локдауна актуализировалась проблема социальной защищённости населения, поддержки покупательной способности, которую во всём мире решали посредством прямых финансовых вливаний (прямые денежные выплаты населению – «вертолётные деньги», заморозка выплат по долговым обязательствам, налоговые каникулы для населения и бизнеса и т. п.).

В странах ЕАЭС новый тренд социализации (прямой финансовой по-

мощи государства, стимулирование социальной ответственности бизнеса, формирования государственных инвестиционных стимулов) экономической политики закрепился в базовых стратегиях экономического развития, в национальных программах и проектах. Интенсивность включения социально ориентированной экономической политики в текущую повестку в странах региона обусловлена не только финансовыми резервами государства, но и в большей степени на-

циональным менталитетом, состоянием стабильности политической системы и уровнем развития экономики.

Перечисленные факторы также определяли степень изоляции общества в целях снижения инфицирования населения, поддержания внутреннего покупательского спроса и стимулирования экономического роста за счёт активизации системы государственных закупок (наращивания государственных расходов в качестве основного потребителя на внутреннем рынке).

В странах ЕАЭС прослеживается тенденция прямой зависимости от уровня авторитарности системы государственного управления: чем выше концентрация власти, тем меньше уровень прямой финансовой поддержки населения и выше темпы роста государственных расходов на закупки (в первую очередь расходов на оказание медицинских услуг населению, поддержанию противоэпидемических мероприятий). Рост социальной ориентированности в экономической политике стран ЕАЭС в большей степени наблюдался в России, Казахстане и Белоруссии, т. е. в странах с большим экспортным потенциалом, за счёт которого формируются доходы государств.

По мере восстановления спроса на мировых рынках и деловой активности политика социальной поддержки населения замещалась на меры помощи реальному сектору. Дефицит собственных ресурсов (а в некоторых странах, например в Киргизии, их отсутствие) покрывается за счёт внешних финансовых вливаний международных кредитных учреждений.

Из всех стран ЕАЭС Россия единственная страна, в которой была

применена комплексная система мер социальной поддержки населения и оценена как наиболее сбалансированная и эффективная, ибо чрезмерная накачка экономики дешёвыми деньгами в долгосрочной перспективе создаёт угрозу разгона инфляции.

Ещё одним трендом новой экономической политики в мировой практике в период кризиса 2020 г. стала модернизация государственных и общественных институтов и легализация режима ограничения свобод граждан и участников рынка. В странах ЕАЭС лишь частично был применён комплекс мер по ограничению свобод и предпринимательской активности (Белоруссия вообще не вводила таких ограничений), что обусловлено высокой стоимостью экономических потерь и может нанести непоправимый урон национальным экономикам.

В России ограничительные меры сопровождались радикальными реформами государственных институтов, оптимизацией федеральной системы управления экономикой, бурным развитием общественного сектора и волонтерства. В остальных странах меры ограничений были кратковременными и не имели долгосрочных эффектов ни в экономике, ни в экономической политике. Однако именно ограничения свобод перемещения граждан стали триггером ускоренного роста цифровизации экономики, что обусловило технологический прорыв и существенные структурные сдвиги в экономике, особенно в сфере здравоохранения и образования.

Несмотря на то что в странах ЕАЭС повестка цифровизации в экономической политике стала базо-

вой, но она не затрагивает промышленный сектор (исключение Казахстан, Узбекистан, Россия).

Турбулентность на мировых рынках основных экспортных товаров стран ЕАЭС (металлы, энергетические ресурсы, минеральное сырьё и т. п.), блокирование устоявшихся логистических схем обусловили изменение направлений торговых и финансовых потоков, что отразилось в растущих трендах регионализации и развития многовекторности в рамках новых блоков. Данный вектор экономической политики стран ЕАЭС получил новые краски, пандемия привела к разрыву традиционных торговых связей, разрыву цепочек производства добавленной стоимости в мировой экономике, что в период бурного восстановительного роста спроса на мировых рынках привело к существенному росту цен на технологически значимые виды продукции (чипы, микросхемы и т. п.). В результате рынок покупателя уступил свои позиции новой модели – рынку продавца, и конкуренция между покупателями за продукцию усилилась, создав благоприятные условия для производителей (продавцов) практически на уроне монопольного рынка.

Данная ситуация закрепила тренд регулирования открытости национальных рынков стран ЕАЭС. Более развитые экономические системы (Россия, Белоруссия, Казахстан) ввели инструментарий и подходы, направленные на самообеспечение по значимым с точки зрения санитарной, продовольственной и финансово-экономической безопас-

ности стран, а также на развитие регионализации в формате свободных экономических зон и проектных объединений.

Общей характерной чертой формирования экономической политики стран ЕАЭС в период постпандемийного восстановления экономики стала тенденция усиления мер по преодолению бюджетных дефицитов и снижения уровня внешнего долга государств и корпораций в силу того, что влияние внешнего шока от карантинных мер обусловило растущие обязательства стран перед своим населением в рамках общей политики растущей социализации экономической системы и пересмотра критериев эффективности системы государственного управления. При этом перед всеми странами встаёт задача сохранения баланса между растущей социальной ориентированностью экономики и решением проблемы низких темпов её роста, изменения денежно-кредитной политики для недопущения критических темпов инфляции, стабильности валютных курсов, преодоления дефицита инвестиций и обеспечения стабильности финансовой системы.

Процессы социальной переориентации экономической политики к концу 2020 г. стали отражением потребности общества на пересмотр общественного договора, так как растущий уровень снижения благосостояния населения, разрыв уровня доходов, высокие темпы инфляции определяли рост уровня социальной напряжённости и не оставляли выбора для государств [2]. При этом ус-

² Аксаков А.Г. Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации. М.: Издание Государственной Думы, 2016.

ловия неопределённости и высоких рисков новых волн эпидемии и ограничений вплоть до середины 2021 г. усиливали потребность населения в дополнительных гарантиях со стороны государства по обеспечению доступности и качества медицины, профилактики заболеваемости и доступности образования, досуга, спорта при безусловной гарантии минимального уровня жизни и покупательной способности [3].

Новые форматы общественного контракта практически были закреплены в национальных стратегиях развития всех стран ЕАЭС. Отличия этих программ по странам заключаются в подходах обеспечения их финансирования, точнее, поиска источников, в формах реагирования населения и степени удовлетворения социально-экономической политикой (от полной/частичной до роста социальной напряжённости).

Потенциал стран ЕАЭС по социализации экономики

Макроэкономические итоги по основным показателям экономического роста и благосостояния населения в 2020 г. в Евразийском союзе не отличались от общемировых трендов, но характеризовались меньшим уровнем спада по сравнению с прогнозами на начало года (пандемии).

Сокращение темпов роста ВВП составило 3,3% (при прогнозе 6,5–7% по разным расчётам), в том числе за счёт изменения объёмов реального сектора:

- сокращения промышленной продукции на 2,7% и рост сельскохозяйственной продукции на 2,3%;
- сжатия грузооборота на 4,8%, пассажирооборота на 49,1%, розничной торговли на 4,1% [4].

Без учёта влияния цен физический объём произведённого ВВП снизился по ЕАЭС в целом на 2,9%, Армении – на 7,4%, Белоруссии – на 0,9%, Казахстана – на 2,5%, Киргизии – на 8,6% и России – на 3% [5].

Потери в экономике стран ЕАЭС в большей степени были обусловлены мерами изоляции в период пандемии, при этом сроки и жёсткость карантинных ограничений не оказали прямого факторного влияния, так как были компенсированы пакетами социальной помощи населению и бизнесу. Чем больше степень жёсткости и продолжительность ограничений деловой активности (преимущественно в России), тем больше было оказано и в стоимостной и количественной форме мер поддержки населения, малого и среднего бизнеса и использовано мер стимулирования (фискальные, административные) социальной ответственности бизнеса.

Ещё одним каналом передачи негативных эффектов для стран ЕАЭС стал спад спроса на внешних рын-

³ Зайцев А.А. Экономический рост в России после пандемии – как быть со «старыми» ограничителями? Экспертное заключение подготовлено по итогам сессии ПМЭФ-2021 «НЭП 2.0. Как обеспечить экономический рост в каждом доме?» // URL: <https://roscongress.org/materials/ekonomicheskii-rost-v-rossii-posle-pandemii-kak-byt-so-staryimi-ogranichitelyami/>

⁴ Статистическая база данных ЕЭК // Официальный сайт // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx

⁵ Статистическая база данных ЕЭК // Официальный сайт // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru>

ках, что привело к падению объёмов внешней торговли за 2020 г. на 15,4% (экспорт сократился на 20,9%, а импорт на 6% по Союзу и внутреннего торгового оборота (взаимной торговли) на 11% [5]. Опережающие темпы снижения объёмов экспорта по сравнению с показателями импорта обусловлены падением цен на основные экспортные продукты, производимые в ЕАЭС (цены на энергетические ресурсы и сырьевые продукты).

Неэкономический характер шока от коронакризиса, вынужденное применение ограничений деловой активности и социальной изоляции, существенное снижение покупательской способности, фактическое закрытие сегмента сервисных услуг (особенно туризма) обусловили необходимость вмешательства государства, а в ряде случаев прямой финансовой компенсации провалов рынка.

Меры макроэкономической поддержки в странах ЕАЭС имели разнотипный характер:

- в странах с большим потенциалом накопленных финансовых резервов (Россия, Казахстан и частично Белоруссия) применялись комплексные подходы, включающие прямые денежные влияния социально незащищённым слоям населения с целью сохранения покупательского спроса, расширение программ поддержки бизнеса (особенно строительства инфраструктурных объектов и жилья), ускоренное развитие системы здравоохранения и особенно оказания высокотехнологических медицинских услуг (включая вакцинацию и телемедицину) и примене-

ние фискального и кредитного стимулирования бизнеса;

- в странах с небольшими накопленными резервами или их отсутствием (Армения и Киргизия) ограничили меры единовременных денежных выплат населению в целях сохранения минимального уровня социального обеспечения социально уязвимых слоёв населения, стабилизации валютных курсов и инфляции, ужесточением фискального администрирования и контроля в целях повышения доходов бюджета в конце 2020 г. и в 2021 г.

Указанные меры привели к различным эффектам, что в полной мере нашло своё отражение в значениях макроэкономических параметров.

В Казахстане программы поддержки льготного ипотечного кредитования и стимулирования строительства жилья способствовали росту валового продукта строительной индустрии на 6,1% [6], в России и Белоруссии позволили сохранить уровень 2019 г., а отсутствие подобных программ в Армении и Киргизии обусловило спад объёмов строительства.

Социальная изоляция стала триггером ускорения развития технологичных отраслей: образовательных электронных платформ, электронных систем коммуникаций (особенно при взаимодействии граждан и государства: государственные услуги, биоинженерия, новые технологии оказания медицинской помощи, средств слежения, транспортных технологий, микроэлектроники и т. п.), фармакологии, средств связи

⁶ Официальный сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/7>

и в целом информационных технологий [7].

Рост торговли цифровыми товарами и услугами опережающими темпами наблюдался в Белоруссии, а остальные страны ЕАЭС столкнулись с проблемой инфраструктурных ограничений.

Однако политика социально-экономической поддержки бизнеса и населения в совокупности оказала большее влияние на экономический рост (максимум 9% ВВП в Казахстане; 4,3% в Белоруссии; 6,7% в Киргизии; 4,5% в России и минимум 3,5% в Армении), чем совокупный рост от технологических отраслей (не более 3% ВВП).

Финансовая помощь населению со стороны государств ЕАЭС позволила поддержать минимальный уровень покупательского спроса населения, усилив социальную нагрузку на бюджеты государства Союза и их дефицит.

Отличительная черта социально-экономической политики стран ЕАЭС в сравнении с общемировыми трендами заключалась в неявном стимулировании спроса (налоговые льготы, кредитные каникулы, снижение ставки рефинансирования и т. п.) и невысоком уровне прямых финансо-

вых дотаций населения (максимальный уровень денежных пособий, выданных населению, наблюдался в США). Данная политика позволила членам ЕАЭС избежать дополнительной денежной эмиссии, стимулировать стабильность доходов населения за счёт поддержки предприятий и бизнеса льготными целевыми кредитами в фонд заработной платы. При этом наблюдалось снижение коммерческого кредитования, что привело к снижению деловой активности, росту спекулятивных операций на финансовом рынке, оттоку капитала из стран ЕАЭС и ухудшению значения базовых макроэкономических показателей. Также кризис 2020 г. негативно сказался на темпах и интенсивности развития инвестиционных процессов (взаимный торговый оборот упал на 10,7% по сравнению с 2019 г.), снижению уровня конвергенции макроэкономических показателей и миграционных потоков в Россию в 10 раз за тот же период, что обусловило рост разрыва по уровню доходов населения. В 2020 г. кризис усугублялся ростом рисков кризиса мировой экономики, риском неопределённости новых волн пандемии, ростом инфляции и турбулентности цен на мировых сырьевых рынках.

Риски социального перехода в условиях постпандемийного восстановления

Восстановительный рост мировой экономики после коронакризиса в 2021 г. набрал довольно высокие темпы, включая экономику стран ЕАЭС. Общие тренды разгона поку-

пательского спроса, стимулируемого дешёвыми деньгами, оказали меньшее влияние на темпы роста ВВП в данном регионе по сравнению с мировыми показателями, так как уро-

⁷ Иванова Т.Л. Факторы и показатели устойчивого роста социально ориентированной экономики // Вестник института экономических исследований. 2018. № 2.

вень социальной помощи, оказанной населению в период пандемии и после, был существенно ниже [8].

Бюджетные расходы России (лидера по уровню вливаний в экономику в 2020 г.) составляли лишь 4,6% от ВВП против 30–40% от ВВП развитых стран [9]. Для стран ЕАЭС большое значение имели растущие цены и высокий уровень спроса на основные энергоресурсы и сырьевые экспортные товары на мировых рынках. Рост экспортной выручки позволил в экспортно ориентированных странах СНГ (Россия, Казахстан, Туркмения, Азербайджан, Узбекистан, Белоруссия) продолжить политику социальной переориентации экономики. В странах, ориентированных на экспорт трудовых ресурсов, ситуация также улучшилась за счёт роста доходов и переводов от трудовых мигрантов. Однако сохраняющийся уровень высоких рисков повторения карантинных ограничений в 2021 г. из-за очередных волн пандемии вынуждал правительства всех стран ЕАЭС сохранять тенденции социальной ориентации экономической политики 2020 г. [10].

В 2021 г. в странах ЕАЭС, как и ранее, сохранились тенденции активного макроэкономического регулирования и компенсации экономических потерь участников рынка и населения, роста государственных расходов (бюджетных средств) для поддержания ускоренного роста общественных секторов (здравоохра-

нения, образования, инфраструктурных объектов, культуры, спорта и т. п.). Также в 2021 г. сохранилась актуальность государственного финансирования структурных технологических сдвигов, включая джигитализацию экономики. Продолжается применение системы мер по ограничению личных свобод и ряда видов деловой активности, что усиливает потребность населения в дополнительных гарантиях со стороны государства по обеспечению доступности и качества медицины, профилактики заболеваемости и доступности образования, досуга, спорта при безусловной гарантии минимального уровня жизни и покупательной способности.

В большей степени трансформация общественного соглашения по итогам постпандемийного восстановления экономики в 2021 г. реализована в России:

- формирование и реализация национальных проектов развития, особенно в общественном секторе;
- структурная трансформация системы государственного управления на федеральном и региональном уровнях;
- реформирование социальной политики;
- внедрение государственно-частного партнёрства по значимым инвестиционным проектам;
- налоговое регулирование и стимулирование социальной ответственности бизнеса и т. п.

⁸ Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. Высшая школа экономики. 2020. № 4. 5 июня // URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/370616519.pdf>

⁹ Российская экономика в 2020 г. Тенденции и перспективы. Вып. 42 / под науч. ред. А.Л. Кудрина, В.А. Мау, А.Д. Радыгина, С.Г. Синельникова-Мурылева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.

¹⁰ Силуанов А.Г. Повышение потенциала российской экономики в условиях глобальных посткризисных изменений // Финансы. 2021. № 6.

Проблемы социализации условий общественного соглашения (общественного контракта) для России остаются традиционными:

- сохранение низкого уровня технологической конкурентоспособности промышленного сектора;

- зависимость от волатильности цен и спроса на мировых рынках энергоресурсов;

- отток капиталов;

- сжатие реальных доходов населения и инфляционное давление на спрос, неразвитость сектора малого и среднего предпринимательства и т. п. [11].

Перечисленные факторы сдерживания экономического роста России в 2021 г. были сформированы десятилетием инерционного развития сырьевой экономической модели, действующей после кризиса 2008–2009 гг. За этот период не удалось преодолеть шоковые последствия коронакризиса: применение комплекса мер классической кейнсианской экономической политики при ограниченности финансовых резервов не оправдал ожидания населения (в сравнении с размерами социальных пособий развитых стран) по поддержанию уровня доходов и жизни, а также бизнеса (особенно в сфере услуг) по восстановлению докризисных уровней. В этой связи можно прогнозировать рост запроса общества на усиление

государственной поддержки населения и малого и среднего бизнеса и социализации экономической политики. В 2022 г. ожидалось, что будет проведена систематизация и перевод на постоянную основу различных видов финансовой поддержки населения, которые были использованы в 2020–2021 гг., т. е. расширение мер поддержки и развития системы здравоохранения, повышения её технологичности и доступности для населения, внедрения цифровых технологий в системе отношений «государство – население», «государство – бизнес», гибридных методик образования (традиционные плюс электронные), расширение инфраструктурных проектов по модернизации коммуникаций (все виды транспортного сообщения, связи, ЖКХ), трансформация моделей торговли внутри страны и внешней торговли (расширение биржевой торговли, виртуальных торговых площадок, включая облегчение доступа населения к рынку ценных бумаг и инвестиций) [12]. Сложность реализации перехода к социализации общественного договора обусловлена двумя факторами: ограничением доступа к инвестиционным ресурсам внешних рынков и экспортная ориентированность российской экономики в условиях тотальных и всеобъемлющих санкций 2022 г. [13].

¹¹ Иценко-Падукова О.А., Мовчан И.В. Трансформация институтов социально-экономической политики в условиях долгосрочной вирусной пандемии // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 3.

¹² Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг. // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d7f5f5dea44bda4c30d42aac04cc1fca/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2022-2024.pdf

¹³ Калашников С.В., Татаринцев В.Е., Марголин А.М., Храпылина Л.П. Риски реализации социальных контрактов в регионах России // Проблемы управления: теория и практика. 2019. № 4.

В других странах ЕАЭС запрос на изменение общественного договора проявляется в ещё большей степени из-за более высокого уровня расслоения общества по доходам и уровня бедности. Степень проявления недовольства экономической политикой в странах ЕАЭС различается в зависимости от уровня экономического развития (а точнее – ресурсного обеспечения и экспортного потенциала) и стабильности политической системы, а характер ожиданий изменений такой же, как и в России.

Новые форматы общественного контракта практически закреплены в национальных стратегиях развития всех стран интеграционного блока. Отличия этих программ по странам заключаются в подходах обеспечения их финансирования, точнее, поиска источников финансирования.

Реализация программ развития была поставлена кризисом 2022 г., вызванным всеобъемлющими санкциями коллективного Запада против России и Белоруссии. Санкционный кризис накладывает на не до конца разрешённые проблемы предыдущего кризиса и существенно усиливает негативные эффекты.

Кризисы 2020 и 2022 гг. похожи тем, что в обоих случаях они были обусловлены разрывом международных хозяйственных связей, логистических и производственных цепочек, а также ограничением торгово-экономических операций. Их проявлением на начальном этапе в экономике были существенный рост инфляции и потребления населением из-за ожидания дефицита товаров, падение курса национальных валют, сокращение экспортной выручки и доходов государства при одновремен-

ном росте расходов экономики. Снижение объёмов предложения на рынке (особенно для подсанкционных стран – России и Белоруссии) были вызваны разрывом транспортных и логистических цепочек, что обуславливает сокращение объёмов импорта. Разрыв устоявшихся международных хозяйственных связей на начальных этапах этих двух кризисов привёл к повсеместному удорожанию поставляемых на рынок товаров и услуг. В период коронакризиса дополнительные расходы требовались на поддержание занятости и покупательского спроса, а в период санкционного кризиса – на поддержание бизнес-процессов, замещение выпадающих экономических связей и поставщиков, внедрение новых технологий и производственных циклов, замещение импорта и наращивание собственного производства. При этом существенным отличием санкционного кризиса 2022 г. является проблема доступа к технологиям и высокотехнологичным продуктам, что создаёт угрозу технологической деградации экономик подсанкционных стран. Это ограничение – самое болезненное, так как существенно снижает экономический и конкурентный потенциал и фиксирует технологическое отставание на долгосрочную перспективу. Однако в рамках договора о создании ЕАЭС в текущем кризисе страны-партнёры, на которые не распространяются прямые санкции, получили новое «окно возможностей».

В период санкционного кризиса тренд социальной ориентированности экономической политики закрепился окончательно и стал доминирующим фактором в системе мер снижения отрицательного влияния

санкций на экономику (расширился спектр государственного влияния от социальной политики ко всеобъемлющей поддержке бизнеса и экономики). Именно меры контрсанкционного противодействия обусловили различия в дальнейшем протекании этих двух кризисов. Фазы развития коронакризиса 2020 г. и санкционного кризиса 2022 г. и меры противодействия им стали существенно отличаться под влиянием ряда факторов:

- продолжительность и степень охвата искусственных ограничений торгово-экономических связей;

- масштаб ограничительных мер, их направленность на конкретные отрасли, технологии и бизнес-процессы.

Основное отличие развития этих кризисов проявилось на валютном рынке и в денежно-кредитной политике. При первом кризисе девальвация национальных валют, высокая волатильность валютных курсов и, соответственно, темпы инфляции были связаны с полным разрывом логистических связей, кратковременной приостановкой международной торговли, транспортного сообщения, которые были преодолены довольно быстро за счёт восстановления прежних связей уже в 2021 г.

При втором кризисе (санкционном) речь идёт о долгосрочном периоде (3–10 лет) действия ограничений при постоянно растущем масштабе санкций не только в отраслевом разрезе, но и фактических запретах отдельных видов деятельности (финансовые платежи, страхование, доступ к рынкам), установлении препятствий для нормальной организации бизнес-процессов, институтов и механизмов рынка. Поэтому санкционный

кризис по своему разрушительному эффекту и инструментам влияния с течением времени становится структурным и системным, а введение последующих пакетов санкций со стороны стран-инициаторов ставит цель полного разрушения национальной экономики России и Белоруссии по аналогии с кризисом 1990-х годов.

При этом необходимо учитывать, что разрушительный эффект вводимых санкций для экономик подсанкционных стран зависит не только от жёсткости самих санкций, но и от характера и качества контрсанкционных мер, системы мер поддержки и стимулирования национальной экономики, обеспеченности ресурсами, технологиями и устойчивости социальной и политической системы, а также степени влияния санкций на экономику стран, их вводящих, и других государств. В случае с Россией на начальном этапе санкционного кризиса, после первого шока, совокупность перечисленных факторов значительно нивелировала эффекты негативного влияния санкций.

Для партнёров России по ЕАЭС и СНГ кризис 2022 г. стал дополнительным фактором рисков и возможностей, вызванных радикальной трансформацией международной торговли и условий экономического сотрудничества. В этих условиях характер экономической политики меняется в этих странах в зависимости от их экономической модели.

Для ресурсообеспеченных стран Евразийского региона (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркмения) можно прогнозировать сохранение устойчивости действующего общественного договора с некоторыми элементами социальной переориентации экономической политики (оказание

достаточной медицинской помощи, обеспечение доступа к образованию и прямой социальной поддержки беднейших слоёв населения в период кризисных пиков, незначительные налоговые послабления для малого и среднего бизнеса, стимулирование конкуренции) при условии сохранения традиционного экономического уклада и политической стабильности.

А для таких стран, как Армения, Молдавия, Украина*, Таджикистан, Киргизия, можно прогнозировать варьирование форматов и пределов пересмотра общественного договора по двум основным направлениям: решение задачи поддержания безопасности жизни и здоровья населения и сохранение стабильности экономик и политической системы (прежде всего сдерживания инфляции и поддер-

жания доступности общественных благ для населения).

Стоит отметить, что практически все страны данной группы социализацию общественного договора могут проводить лишь в формате общепринятых международных стандартов, так как социальные проекты в большинстве своём финансируются внешними донорами. При этом ситуация нарастания экономического кризиса из-за роста санкционных ограничений против российской экономики существенно ограничивает возможности реализации социально ориентированной экономической политики в странах ЕАЭС, а пересмотр условий общественного договора ускорится по мере накопления в этих странах политического кризиса и роста социальной напряжённости (например, в Казахстане).

Библиография • References

- Аксаков А.Г. Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации. М.: Издание Государственной Думы, 2016. – 320 с.
- [Aksakov A.G. Novaya model' ekonomicheskogo razvitiya Rossii: koncepciya formirovaniya i realizacii. M.: Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2016. – 320 s.]
- Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. Высшая школа экономики. 2020. № 4. 5 июня // URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/370616519.pdf>
- [Analiticheskij byulleten' NIU VSHE ob ekonomicheskikh i social'nyh posledstviyakh koronavirusa v Rossii i v mire. Vysshaya shkola ekonomiki. 2020. № 4. 5 iyunya // URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/370616519.pdf>]
- База данных статистики ЕЭАС // Официальный сайт Евразийской комиссии // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/Indicators2021_12.pdf
- [Baza dannyh statistiki EEAS // Oficial'nyj sayt Evrazijskoj komissii // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Analytics/Indicators2021_12.pdf]
- Зайцев А.А. Экономический рост в России после пандемии – как быть со «старыми» ограничителями? Экспертное заключение подготовлено по итогам сессии ПМЭФ-2021 «НЭП 2.0. Как обеспечить экономический рост в каждом доме?» //

* Украина не ратифицировала Устав СНГ.

URL: <https://roscongress.org/materials/ekonomicheskij-rost-v-rossii-posle-pandemii-kak-byt-so-starymi-ogranichitelyami/>

[Zajcev A.A. Ekonomicheskij rost v Rossii posle pandemii – kak byt' so «starymi ogranichitelyami? Ekspertnoe zaklyuchenie podgotovleno po itogam sessii PMEF-2021 «NEP 2.0. Kak obespechit' ekonomicheskij rost v kazhdom dome?» // URL: <https://roscongress.org/materials/ekonomicheskij-rost-v-rossii-posle-pandemii-kak-byt-so-starymi-ogranichitelyami/>]

Иванова Т.Л. Факторы и показатели устойчивого роста социально ориентированной экономики // Вестник института экономических исследований. 2018. № 2. С. 28–37.

[Ivanova T.L. Faktory i pokazateli ustojchivogo rosta social'no orientirovannoj ekonomiki // Vestnik instituta ekonomicheskikh issledovanij. 2018. № 2. S. 28–37]

Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В. Трансформация институтов социально-экономической политики в условиях долгосрочной вирусной пандемии // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 3. С. 116–120.

[Ishchenko-Padukova O.A., Movchan I.V. Transformaciya institutov social'no-ekonomicheskoy politiki v usloviyah dolgosrochnoj virusnoj pandemii // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchyonye zapiski. 2020. № 3. S. 116–120]

Калашиников С.В., Татаринцев В.Е., Марголин А.М., Храпылина Л.П. Риски реализации социальных контрактов в регионах России // Проблемы управления: теория и практика. 2019. № 4. С. 7–30.

[Kalashnikov S.V., Tatarincev V.E., Margolin A.M., Hrapylina L.P. Riski realizacii social'nyh kontraktov v regionah Rossii // Problemy upravleniya: teoriya i praktika. 2019. № 4. S. 7–30]

Официальный сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/7>

[Oficial'nyj sajt Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan // URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/7>]

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг. // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d7f5f5dea44bda4c30d42aac04cc1fca/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2022-2024.pdf

[Prognoz social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na 2022 g. i na planovyj period 2023 i 2024 gg. // Oficial'nyj sajt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d7f5f5dea44bda4c30d42aac04cc1fca/prognoz_socialno_ekonom_razvitiya_rf_2022-2024.pdf]

Российская экономика в 2020 г. Тенденции и перспективы. Вып. 42 / под науч. ред. А.Л. Кудрина, В.А. Мау, А.Д. Радыгина, С.Г. Синельникова-Мурyleва. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. – 712 с.

[Rossijskaya ekonomika v 2020 g. Tendencii i perspektivy. Vyp. 42 / pod nauch. red. A.L. Kudrina, V.A. Mau, A.D. Radygina, S.G. Sinel'nikova-Muryleva. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2021. – 712 s.]

Силуанов А.Г. Повышение потенциала российской экономики в условиях глобальных посткризисных изменений // Финансы. 2021. № 6. С. 3–12.

[Siluanov A.G. Povyshenie potentsiala rossijskoj ekonomiki v usloviyah global'nyh postkrizisnyh izmenenij // Finansy. 2021. № 6. S. 3–12]

Статистическая база данных ЕЭК // Официальный сайт // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru>

[Statisticheskaya baza dannyh EEK // Oficial'nyj sayt // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru>]

Статистическая база данных ЕЭК // Официальный сайт. Доступно по URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx

[Statisticheskaya baza dannyh EEK // Oficial'nyj sayt. Dostupno po URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx]

Статья поступила в редакцию 10 октября 2022 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук.

В журнале публикуются научные и аналитические материалы по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)